

Анна Гедымин обратила на себя внимание журнальными публикациями своих стихов где-то на переходе от конца 70-х к началу 80-х годов минувшего столетия. Чистый лирический голос, не замутнённый словесной эквилибристикой, привлекал своей кажущейся простотой и неподдельной искренностью. Почти детское лицо поэтессы светилось задумчивой грустью, вступая в загадочный контраст с громкой княжеской фамилией.

Ты помнишь? – детство, стриженные ногти,
Огромный бант, умолкший третий класс...
Горнист, волнуясь, врет на каждой ноте...
Так в пионеры принимали нас.

С тех пор прошло немало лет, а она всё такая же: хрупкая, с выражением просветлённой грусти и удивлённым взглядом на жизнь. И стихи её так же чисты и прозрачны, так же загадочны:

И в ней запрятана душа,
Которой радостно и больно.
И страшно – чувствуя, дыша,
Злодейство совершать невольно.

Хрупкое это создание, Анна Гедымин, с удивительным мужеством открытости и доверия к читателю повествует свою жизнь, своё пережитое, свою любовь, свои – а как без них – невзгоды, но, по-прежнему, стихи её полны тепла и света, даже если рождены болью и горечью:

Проснешься за полдень,
 вся жизнь никуда не годится...
Но в пыльной Москва-реке
 купола сияют вверх дном...
И думаешь: Господи!
 Спасибо, что надоумил родиться
В городе,
 где такой пейзаж за окном!

Такой синий,
 такой золотой и белый!..
Теперь, судьба моя,
 ты, без промаха и стыда,
Карай, обманывай –

что хочешь со мною делай,

В душе залатанной

эта музыка навсегда.

Вот так – и «душа залатана», и «жизнь никуда не годится», а «эта музыка навсегда»! Возможно, в этом и весь секрет поэтического мировосприятия Анны Гедымин и так завораживающего нас впечатления от сине-золотого-белого света её стихов! Почему и сказано выше, что простота её стихотворной речи – кажущаяся. Просто так устроен внутренний мир поэтессы, что выстраданное переливается в мужественную, полную достоинства сдержанность. Нет слёз на показ, нет истерии, но есть уверенность, что её собеседник-читатель поймёт остроту боли, ощутит просветляющее сострадание:

Враждебная, с челкою черной

И взором – острее огня,

Считайте себя отомщенной:

Он больше не любит меня.

Он где-то, он – птица на ветке,

Его не удержишь в руках.

Уж месяц, как смолкли соседки

Про губы мои в синяках.

Я знаю, бестактно... Но вы же

Прошли до меня этот путь...

Как жить? – научите. Как выжить! –

Когда ничего не вернуть...

Стихи о любви – камертон этой книги Анны Гедымин, да, пожалуй, и всей её поэзии, о каком бы явлении жизни она ни писала. И всякий раз ловишь себя на том, что достигает воздействие ее стихотворной речи не какой-то внешне яркой, но поверхностной словесной игрой, а глубоким и точным чувством живого слова, скрытой музыкальностью и самобытностью её стиха. Пластика этого стиха, его движение, особая нечаянность, непредсказуемость «сюжета», свойственная автору интонация и создают атмосферу лирического высказывания Гедымин.

Живу – принцесса

вполне престижных кровей –

В своей запущенной башне многоэтажной.

Видишь, кем стала та, что была твоей?

Видишь – оттуда?

А впрочем, уже неважно.

Самоирония – ещё одна характерная черта её поэтики. Она и держит на уровне особого женского достоинства интонацию её поэзии. Это могут

быть стихи о любви, стихи – размышления о времени, о его переменах, о приметах протекающей жизни, о житейских впечатлениях, даже стихи о, собственно, стихотворстве, о призрачной или настоящей славе – стихотворение так и названо: «Слава» – они проникнуты грустноватой улыбкой:

Уж лучше пусть приходит – незаслуженная,
Похожая на школьное вранье,
Ворованная, жалкая, простуженная...
Уж лучше так, чем вовсе без нее.

Не для того, чтоб сразу же зазнаться,
Расправить два поношенных крыла. –
А чтоб смутиться, вспыхнуть, отказаться.
Но все-таки запомнить, что была.

Гедымин верна себе: рассказывая свою жизнь, она преобразует свою печаль в свет надежды, как бы грустно эта печаль ни звучала, потому что она не жалуется, не оплакивает себя, а мужественно глядится в зеркало прожитого и пережитого ею. Вот и не хочется верить словам поэтессы:

Объяснять мне не надо, что гонит грачиную стаю
За полмира – к Москве, от весны захмелевшей, как все.
Оказавшись почти что в раю, я до слез вспоминаю
Изумрудные мелкие листики вдоль шоссе...

И увижу во сне, как вдали от привычного крова,
Недоступный промышленным звукам и взглядам зевак,
Занимается клен – чуть зловеще, нарядно, багрово, –
Неудавшейся жизни моей восклицательный знак.

Не хочется верить, потому что не может быть неудавшимся свет настоящего поэтического слова, присущего творчеству Анны Гедымин.